

THE FORMATION OF THE LINGUISTIC COMPETENCE OF STUDENTS WITH THE USE OF INTERACTIVE LEARNING TECHNOLOGIES (ON MATERIAL OF CONVERSION TEACHING)

R. R. SARGSYAN

The article covers the methods and ways of formation of the linguistic competence of students with the help of interactive learning technologies. The concept of the linguistic competence is revealed, university and school programs and textbooks are analysed, an interactive model of the lesson on the basis of conversion is suggested.

ЛЮДСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И «КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ» ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ

Н. В. ПОТАПОВА

Преподаватель ГГУ

Жизнь русского зарубежья, как, впрочем, и вся жизнь в общем, жила на трех китах, ее поддерживающих, - политика, религия и культура. Все три компонента наличествовали и в жизни русского Парижа. Писательница Н. Берберова не могла не интересоваться основными проблемами своего общества. Возможность быть аполитичным человеком была слишком большой роскошью в Париже в середине двадцатых годов. Монография Г. Струве дает исчерпывающее представление о политической обстановке русского Парижа, который в отличие от Берлина, ставшего на некоторое время экономическим и культурным центром, изначально утвердил за собой позиции политического центра русской эмиграции. Основопологающим фактором становится печатное дело, которое в Париже изначально было ориентировано на пропаганду антибольшевистских идей. В Париже возникли первые серьезные эмигрантские газеты и журналы - «Последние Новости» и «Общее дело», «Возрождение», «Дни», «Грядущая Россия», журнал опять-таки политического толка, манифестирующий антисоветские идеи следующего характера: «Огнедышащий кратер материалистического социализма еще действует, но уже потухает. Он потухнет, и вновь тогда выбегут из земли цветы жизни, новые невиданные ранее цветы. Грех, сгустившийся тяжелым туманом, стоит в воздухе, но истина и любовь не умерли»[5]. «Последние Новости», в которых работала постоянной сотрудницей Н. Н. Берберова, редактируемые застарелым лидером партии кадетов П. Н. Милюковым с 1921 года, тоже имел политическую основу, но заметим, что в журнале «Последние Новости» печатались писатели, примыкающие к либеральному лагерю. Газета «Возрождение», редактируемая П. Б. Струве, была «органом русской национальной мысли»[1], в которой на протяжении долгих лет публиковались статьи В. Ф. Ходасевича. По сути, все издания русского Парижа стара-

лись освещать политические события прошлого и настоящего России, пытались найти причину, превратившую русскую революцию в крушение русского мира либо рассмотреть возможность диалога с советской Россией. Самый значительный и крупный журнал Парижа, как вспоминает Г. Струве, тоже был задуман как политический орган печати: «Современные записки» были начинанием политическим и даже в каком-то смысле партийным. Задуман был журнал группой членов партии социалистов-революционеров, и первоначальное редакционное ядро его составили М. В. Вишняк, А. И. Гукровский и В. В. Руднев, которые затем привлекли Н. Д. Авксентьева и И. И. Фондаминского»[4].

Таким образом, мы наблюдаем сильнейшую заинтересованность в эмигрантских кругах политикой и именно политической ситуацией в России. Об этом пишут видные представители литературы и общественные деятели, деятели культуры. И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, В. В. Руднев, С. А. Корф, С. П. Мельгунов, барон Б. Э. Нольде, которые, по сути, писали об одной общей, волнующей всех представителей эмигрантского мира, проблеме - возвращения отнятой большевиками родины. Следует отметить, что в эмиграции оказались представители совершенно противоречивых политических убеждений: кадеты, эсеры, меньшевики, анархисты, монархисты. В эмиграции их прежние распри стали неактуальны и во многом неестественны, но, тем не менее, в каждом из парижских русских изданий отводилось значительное место политическим обозрениям.

Безусловно, Н. Н. Берберова не могла не увлечься общей тенденцией заинтересованности в политике. Назвать ее монархисткой мы не можем в силу того, что она всем своим творчеством доказывала свое предпочтение демократии любому другому виду правления, ее юношеское увлечение меньшевизмом, которое впоследствии ей ставил в вину Р. Гуль,[3] можно отнести к разряду юношеского максимализма, к тому же, в гимназии, где в тот период училась Берберова, ощущалась тенденция увлечения политическими дебатами и партиями. Давайте делать скидку на то, что это были предреволюционные годы. В эмиграции Берберова выбирает позицию политического нейтралитета, не публикуя своих размышлений по поводу общественно-политических идей. Но следует отметить тот факт, что многие ее книги несут гораздо больше информации об истинном отношении к политической ситуации в России, чем ее журналистские статьи, посвященные в большинстве случаев литературе.

Судьба, а конкретно исторические события 1945 года, заставили Берберову пересмотреть свои политические ориентиры и предпочтения. Берберова, тогда в начале тридцатых годов, очутившаяся во всем этом чаду идейности и безыдейности, четко осознавала свой истинный путь как творческий, так и человеческий. Ее путь заключался в формировании собственной личности и собственноручном построении собственной судьбы. Будучи приближенной к семье Мережковских, она, не противясь их религиозным представлениям и ориентирам, их восприятию мессианской сути изгнания, тем не менее, сумела не подпасть под воздействие религиозного фанатизма четырех Мережковских. Небезызвестный факт, что Д. С. Мережковский совместно с супругой и их общим другом Д. Философовым, еще живя в Петербурге, были во власти фанатичной идеи модернизации православия, организовав «тройственный союз», имевший для его участников символический смысл, связанный с идеями «Третьего Завета»

(«царства Духа»), которые в те годы разрабатывал Мережковский.[6] Стремления перенести культуру в сферу религии, присущие идее Мережковского, входившей в его доктрину о неохристианстве, претили всякому представлению Берберовой об искусстве. Так, Берберова не разделяла увлечение четой Мережковских пропагандой фашистских идей Гитлера, о чем спешит упомянуть и Г. Струве в своей монографии «Русская литература в изгнании»: «Настроенные непримиримо враждебно к Советской России, Мережковские с самого начала видели спасение от большевизма в иностранной интервенции. Вследствие чего их поведение в начале войны лишь доказывает их последовательность и верность собственным принципам, в силу которых когда в 1941 году они уверовали в спасение России при помощи Гитлера и «призывали к крестовому походу против большевиков»[4]. Говоря об идее интервенции, поглотившей умы многих эмигрантов в первые годы войны, стоит вспомнить о пресловутом «деле Нины Берберовой», детально освещенном в одноименной монографии О. В. Будницкого. Автор в данной монографии публикует ряд писем Берберовой к М. Алданову и Г. Адамовичу, М. Вишняку, извлеченные автором монографии из личного архива последнего, на его взгляд, «оправдательных». Во вступительной статье Будницкий делает акцент на то, что Берберова испытала сильное разочарование, связанное с освобождением оккупированной немцами Франции и пыталась как-то реабилитировать подмоченную репутацию в глазах эмигрантских литературных кругов, объявивших ей всем хором войкот[2]. Слухи о профашистской ориентации писательницы начали молниеносно распространяться в эмигрантской среде после победы, вызванные больше дружескими отношениями Берберовой с семьей Мережковских, чем, на наш взгляд, ее истинными предпочтениями и идеалами. Так, мы читаем в письме М. Алданова М. Вишняку: «О русских в Париже пока известий нет, воображаю, как трясутся теперь Берберова, Гиппиус, Сургучев, Шмелев.»[2]. Волна гонений, о которых вспоминает и сама Берберова в автобиографии в несколько завуалированной форме, началась, судя по публикации Будницкого, с 1945 года, когда в ньюйоркском журнале «Новое русское слово» «был опубликован длинный список русских эмигрантов, запятнавших свое имя сотрудничеством с нацистами»[2]. В списке оказалось и имя Берберовой и ее второго мужа Н. Макеева. В эмигрантской среде также распространялись слухи о том, что Берберова приглашала многих видных писателей и поэтов вернуться в оккупированный Париж. Следует отметить, что и по прошествии значительного времени споры о пронацистских настроениях Н. Н. Берберовой не утихали. В весьма агрессивной и разгромной по количеству в ней развенчаний рецензии на книгу Берберовой «Курсив мой» Роман Гуль в 99 номере нью-йоркского «Нового журнала» за 1970 год пишет: «Во время оккупации Франции Гитлером Б-ва осталась в Париже (и под Парижем), написала, в частности, — тогда стихотворение о Гитлере, в котором сравнивала его с «шекспировскими героями». К сожалению, стихотворение это до сих пор не опубликовано. А жаль, ибо — тематически — оно оказалось бы единственным в русской литературе. Из зоны оккупации г-жа Б. звала уехавших в свободную зону писателей Бунина, Адамовича, Руднева и др. Вернуться под немцев потому, что «наконец-то свободно дышится»[3]. Но и в ту пору, далекую от описываемых событий, Гуль не решается написать о том, кто именно был тот сердобольный аноним, при котором якобы Бунин зачитывал вышеназванное письмо, мимоходом называя его «жившее тогда у Буниных

лицо»[3]. Неискушенный читатель в агрессии Гуля способен разглядеть то же сведение счетов, которое он на протяжении всей статьи ставит в вину той же Берберовой. «Обо мне, в порядке, вероятно, исключительно острого сведения счетов, написано следующее. Оказывается, я «до 27 года был берлинским корреспондентом «Правды» и «Известий», а после 27 г. стал эмигрантом». Г-жа Б-ва хорошо знает, что она пишет обо мне заведомую неправду»[3]. Эту фразу Гуля мы не будем комментировать, поскольку не с легкой подачи Берберовой Гуля на протяжении долгого времени в эмиграции относили к советским писателям. В монографии Будницкого приводится также оправдательное письмо Б. Зайцева к Бунину, которое, по некоторым сентенциям автора, способно даже доказать вину защищаемой в антисемитизме, что с лихвой покрывает все другие обвинения в пронацистских идеях последней. Так он пишет: «Решительно никаким «сотрудничеством», даже в косвенной форме, она не занималась, а по горячности характера высказывала иногда «еретические мнения» (нравились сила, дисциплина, мужество), предпочитала русских евреям и русские интересы ставила выше еврейских»[2]. На протяжении долгого времени после окончания войны информация о пронацистских настроениях Берберовой активно муссировалась, разжигая волну отчуждения по отношению к писательнице, ее даже отказывались печатать в русском журнале Нью-Йорка – «Новом журнале», о чем она, судя по письму М. А. Алданову за 1945 год, не очень сожалела: «Вы продолжаете писать в Париж, что большинство сотрудников уйдет, если журнал напечатает Берберову. Печататься я пока не собираюсь, я уже пять лет не печаталась, но я хотела бы, чтобы люди, которые помнят меня, не краснели за меня. У меня есть доброе имя. Я борюсь за него»[2]. Безосновательная сплетня – результат людского мифотворчества, охватившая в качестве обвинителей видных представителей литературы, строилась на тривиальном обвинении в том, что якобы Берберовой в годы оккупации жилось вольготнее, чем всей остальной части русской творческой интеллигенции. На наш взгляд, все вышеизложенные факты и доводы современников способна опровергнуть книга самой Берберовой «Курсив мой», где она детально описывает свое отношение к нацизму. Неприятие любого фанатизма и в особенности агрессивного было присуще ее натуре изначально. Сцены романа, которые не осмелился разоблачать в своей субъективной статье ни Р.Гуль, ни ему подобные, обиженные на категоричность и претенциозность суждений нашей героини, демонстрируют истинное отношение Берберовой как к нацизму, так и к еврейскому вопросу. Мы видим, как Берберова прилагает все свои силы, чтоб спасти жену Ходасевича, Ольгу Марголину, от концлагеря, как она укрывает еврейских детей от немцев, рискуя собственной безопасностью. Также веским алиби Берберовой можно считать тот факт, что на протяжении всей оккупации она нигде не печаталась, о чем в весьма серьезных доводах пишет тому же Алданову и Адамовичу[2]. Ее автобиография «Курсив мой» дает нам исчерпывающие доказательства того, что во весь период оккупации она еле сводила концы с концами и, конечно, ни о каком достатке, приписываемом ей и ее мужу, якобы торговавшему конфискованными у евреев картинами, не приходится говорить. Еще одним веским, но субъективным доказательством безосновательности всех обвинений, предъявляемых писательнице, можно считать идейную направленность некоторых ее рассказов, как, например, рассказа «Конец Тургеневской библиотеки», в котором писательница детально рисует уничтожение самого крупного русского кни-

гохранилища Европы вне России, и чувства, обуреваемые ею в момент расправы немцев над самым дорогим и прекрасным, оберегаемым русской эмиграцией – всем известной, созданной самим классиком русской литературы в 1875 году, «тургеневки».

Итак, мы видим, что все обвинения, предъявляемые Берберовой ее современниками и биографами, являются сфабрированными или, как мы ранее отметили, плодом людского мифотворчества. Они беспочвенны и скорее свидетельствуют о том, что книга Берберовой «Курсив мой» произвела огромный ажиотаж своим появлением и правдивостью фактографии. Писательница, по сути, умела наживать себе врагов, к числу которых можем отнести как видных представителей литературы русского зарубежья, так и современных критиков литературы русской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Агеев В. В.** Литература русского зарубежья (1918-1996). - М., Терра, с. 24
2. **Будницкий О. В.** Дело Берберовой. // Литературное обозрение, N 39, 1999, М., с. 141-175.
3. **Гуль Р.** В них три ингредиента. // Литературная Россия. N 23, М., 1989, с. 18.
4. **Струве Г.** Русская литература в изгнании. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1956 г., с. 23-26
5. **Кн Г. Е. Львов.** Грядущая Россия. Париж 1920 // <http://www.emigrantika.ru/images/pdf/gr-rus1.pdf>
6. Wikipedia.org/wiki/Мережковский._Дмитрий_Сергеевич.

COLLABORATIONISM OF THE RUSSIAN ABROAD WRITER BERBEROVA AND THE “MYTHS” ABOUT IT

N. V. POTAPOVA

In this article the author tries to restore the honest name of the writer N. Berberova, who was unfairly criticized by her contemporaries and literary critics. They accused her of being involved in collaborationism. The author of the article uses some facts from her history and her biography. The article is written based upon the talented debate ways of both Russian Abroad Culture and Modern Russian Literature Representatives.

ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԱՐՏԱՍԱՀՄԱՆԻ ԳՐՈՂ Ն. Ն. ԲԵՐԲԵՐՈՎԱՅԻ «ԿՈՒՍԻՎՈՐԱՑԻՈՆԻԶՄԸ» ԵՎ «ԱՌԱՄՊԵԼՆԵՐԸ» ԴՐԱ ՇՈՒՐԶ

Ն .Վ. ՊՈՏԱՊՈՎԱ

Տվյալ հոդվածում հեղինակը փորձում է վերականգնել գրող Ն. Բերբերովայի ազնիվ անունը, որին նրա որոշ ժամանակակիցներ և գրականագետներ անարդարացիորեն մեղադրում էին կոլաբորացիոնիզմի մեջ: Հոդվածի հեղինակը դիմում է պատմության և գրողի կենսագրության փաստերին: Հոդվածը կառուցված է ինչպես ռուսական արտասահմանի մշակույթի, այնպես էլ ժամանակակից գրականագիտության ներկայացուցիչների հետ տարվող բանավեճի մեթոդի վրա: